

УДК 81.26
ББК 88

Е. И. Голованова
г. Челябинск, Россия

Немецкие заимствования в горнозаводской терминологии Урала (XVIII в.)

В статье анализируются причины, условия и факторы заимствования немецких терминов и терминологических элементов в русскую горнозаводскую терминологию Урала в XVIII в. Выявляются характерные особенности процесса заимствования, устанавливаются системные отношения внутри заимствуемой терминологии.

Ключевые слова: термин, терминосистема, иноязычное заимствование, горнозаводская терминология.

E. I. Golovanova
Chelyabinsk, Russia

German Borrowings in Ural Mining Terminology (18th century)

This article analyzes the causes, conditions and factors of borrowing German terms into the Russian terminology of mining in the Urals of the 18th century. The paper highlights the characteristics of the borrowing process and defines the hierarchical relations of the borrowed units within the terminology system.

Keywords: term, system of terms, foreign borrowing, mining terminology.

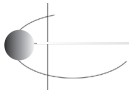
Процессы терминологизации в XVIII в. находятся в тесной связи со становлением и развитием единого национального языка. История формирования терминологической лексики горнозаводского производства отражает тот путь, который прошел русский язык, и его лексическая система в частности, в течение переломного XVIII в.: от необыкновенной пестроты и неоднородности словарного состава в начале века к общерусским тенденциям к упорядоченности и стилистической нормированности во второй половине столетия [6, с. 200].

Уральская горнозаводская терминология формировалась двумя путями: через использование ресурсов общенародного языка и посредством иноязычных заимствований. Решающее значение при образовании терминологических единиц имел первый путь, что, в сущности, сближает данную терминологию со многими другими древними по происхождению терминологиями в русском языке. Анализ второго пути наиболее наглядно представляет динамику процесса становления терминологической системы данного производства, эволюцию внутрисистемных связей и отношений.

Под заимствованием вслед за Л. П. Крысиным мы понимаем «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [10, с. 18]. Под различными элементами при этом подразумеваются единицы разных языковых уровней – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. Нас будут интересовать, главным образом, лексические заимствования.

Прежде всего необходимо отметить, что процесс заимствования в XVIII в. являлся общеязыковым, был характерен для всей системы русского языка. В нём нашли отражение глубокие общественные преобразования, «суть которых сводилась к необычайному расширению международных связей, к переделке всего жизненного уклада на западный манер» [8, с. 29]. Это было время активных контактов с западноевропейской культурой: непосредственных – во время обучения русских специалистов за рубежом и в процессе участия иностранных специалистов в российских преобразованиях (при строительстве новых заводов и освоении новых для России технологий) – и опосредованных – через интенсивную переводческую деятельность. Все это не могло не отразиться в лексической системе русского языка, приводило к пополнению словарного состава большим количеством заимствований.

На протяжении столетия процесс вхождения иноязычных слов в русский язык не был равномерным. По замечаниям многих исследователей, наибольшее количество заимствований из западноевропейских языков приходится на Петровскую эпоху и 30-е гг. XVIII в., когда в русский язык хлынул поток иностранных слов (голландских, немецких, французских) из самых разных областей науки, техники или производства [2, с. 170]. Процесс заимствования в это время носил массовый, стихийный характер. Во второй трети XVIII в. приток иноязычных слов в русский язык продолжался, но при этом «наблюдалось и некоторое снижение темпов непосредственного за-

имствования лексических единиц» [9, с. 167]. В последнее десятилетие XVIII в. – время расцвета русской экономики и культуры, создания Академии Российской, Московского университета и множества других учебных заведений, появления широкой сети периодических изданий и развития книгопечатания – западноевропейское влияние на лексическую систему русского языка значительно ослабло [4, с. 146].

Аналогичные процессы можно проследить и в подсистемах русского языка, в частности – в горнозаводской терминологии. Процесс её формирования как системы терминов сопровождался активным взаимодействием с иноязычными системами. Как показал исследуемый материал (скорписные тексты, хранящиеся в уральских архивах, и опубликованные описания горных заводов, относящиеся к XVIII в.), в рамках горнозаводской терминологии можно выделить два этапа заимствования.

Первый этап характеризуется широким проникновением иноязычных (преимущественно немецких) терминов в формирующуюся терминологию горнозаводского производства. При этом зачастую происходил механический перенос наименований из одного языка в другой для замещения пустующих мест, заполнения лакун. Это касалось прежде всего названий квалифицированных рабочих и заводских должностей, из других групп лексики в наибольшей степени пополнялись наименования оборудования, промежуточных и конечных продуктов в медеплавильном производстве, поскольку это производство было недостаточно развито в России [1, с. 84]. Значительную группу заимствований составили наименования специальных предметов и понятий в рудничном производстве.

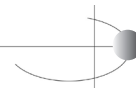
Особенностью функционирования иноязычных наименований в данный период было создание и в ряде случаев параллельное использование соответствующих русских эквивалентов (например: *маркшейдер – горный межевщик, гапшелькнехт – рабочий у ворота, генштейнбухер – толчейщик, циммерлейт – горный плотник, крепильщик*). Такая двойственность словоупотребления, параллелизм русских и иноязычных наименований была подмечена в свое время В. В. Виноградовым. Он писал: «Бросается в глаза своеобразная особенность <...> языка Петровской эпохи, приём дублирования слов: рядом с иностранным словом стоит его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки, а иногда просто присоединенное посредством пояснительного союза *или* (даже союза *и*)» [6, с. 69]. Учёный обратил внимание на просветительский характер этого приёма (на фоне общей тенденции вовлечения широких масс общества в новую политическую и экономическую систему).

В наших материалах примеров дублирования слов немало. Особенно много их в «Описании уральских и сибирских заводов» В. де Геннина [7], с 1722 по 1734 гг. управлявшего деятельностью уральских горных заводов. Приведем наиболее характерные примеры из этого текста: «**Пухверки, или промывальны**, для промывания чугунных крошек и соку» (с. 79); «руды надлежит чрез **бергтрок или корыто** промывать» (с. 90); «смотреть, дабы шмельцеры, гармахеры и штыкарные плавильщики... **шпур или гнездо** набивали» (с. 388); «также особливо надзирать, дабы руды и **шлихт, то есть промытая руда**... на весах взвешены и приниманы были верно и правдиво» (с. 388); «называется **крумофен, или косая плавильная печь**» (с. 388); «**шмельцером или плавильщиком**» (с. 394); «**гармахеру или черной меди очистателю**» (с. 395); «**гейнштенбухеру или мусорному толчейщику**» (с. 396); «набить на накрышечный камень **шлаку или соку**» (с. 401); «буде же мусор набит будет не толсто, то **роштейн или черная медь** горн и глину проест» (с. 401); «тот тяжелый мусор набить до **штиху или выпускной дыры**, ис которой выпускается **роштейн или черная медь**» (с. 401), «черная медь через **гаргет или очистательный горн** ... была чищена» (с. 414); «**берггаур то есть рудокопщик**» (с. 521); «оной **флюс или варнишной песок** в плавках и доньне употребляется» (с. 550). Судя по этим примерам, прием дублирования действительно носит просветительский характер и отражает общие тенденции в языке исследуемого периода.

По-своему оценивал данную языковую особенность Ф. И. Буслаев. В работе «О преподавании отечественного языка» он писал: «Весьма поучительно чтение книг того времени, потому что указывает, с одной стороны, насильственную порчу нашего языка, а с другой – богатство и силу его, ибо возле каждого иностранного слова ставилось и русское, разумеется, для того, чтобы тецы поняли варваризм...» [5, с. 230].

Надо отметить, что бурный процесс вхождения лексических единиц в русский язык из других языков в XVIII в. был подготовлен предшествующей традицией заимствования. Опыт такого рода был накоплен и в горнозаводской терминологии: в XVIII в. для обозначения специальных предметов и понятий здесь использовалось немало слов, взятых из других языков в прежние исторические эпохи: *известь, кадь, пушка, мастер, чугун, кирка, кайло, кирпич, бадья, караван, балаган, котёл, крица*.

Что касается волны заимствований, захлестнувшей русский язык в конце XVII – первой трети XVIII вв. в результате петровских преобразований, то помимо немецких наименований (на анализе которых мы остановимся подробнее) в

состав горнозаводской терминологии в этот период вошло много слов и из других языков. Из французского языка пришли и закрепились в качестве терминов горнозаводского дела слова *калибр, модель, сорт, магазин, пакет, граната*; из латинского – *ординарный, махина, металл*; из голландского – термины морского дела, используемые в специальной лексике горнозаводских сплавщиков, *лоцман, гавань*; из итальянского языка пришли слова *штукатур, бомба, фабрика, латунь*; из греческого языка в русский язык было перенесено слово *барка*. Большая часть перечисленных терминов получила словообразовательное освоение в русском языке (например, *модельщик, сортовое железо, гранатный мастер, бомбенный мастер, машинный мастер, штукатурного дела мастер, латунная фабрика, барочный плотник, полубарок* и т. п.). Приток иноязычных слов в горнозаводскую терминологию в данный период знаменовал собой процесс европеизации русского языка.

Анализируя причины заимствования в начале XVIII в. В. В. Виноградов отмечал, что «перевод специальной технической и научной терминологии в ту эпоху был сопряжён с почти непреодолимыми трудностями, так как предполагал наличие внутренних смысловых отношений и соответствий между русским языком и западноевропейскими языками» [6, с. 58]. Отвечая на вопрос, был ли готов русский язык выразить интеллектуальные достижения Запада, учёный заключил, что «в русском языке еще не хватало семантических форм для воплощения понятий, выработанных европейской наукой и техникой, европейской отвлечённой мыслью» [Там же].

Объективный подход к процессу заимствования в XVIII в. требует учёта как положительных, так и отрицательных его сторон. К числу последних относилось часто упоминаемое современниками «затмение в деле» [12, с. 298]. Сам Петр был вынужден писать одному из своих послов: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно» [Цит. по: 6, с. 69]. Говоря о положительных сторонах процесса заимствования, стоит вспомнить слова В. Н. Татищева, имевшего непосредственное отношение к развитию горнозаводского дела на Урале. В «Разговоре о пользе наук и училищ» (1733–1741) он писал: «Умножение нужное языку есть от приобретения наук и вещей, которые мы от других народов приобрели и приобретаем» [Цит. по: 6, с. 61].

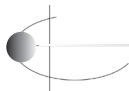
Примерно с середины XVIII в. начинается второй этап заимствования в пределах горнозаводской терминологии – этап сознательного отбора иноязычных терминов, закрепления одних и отказа от других. Этот процесс протекал

в русле общеязыковых тенденций. Как отмечает Ф. П. Филин, именно в XVIII в. проявляется «острая потребность в приведении в единую систему литературно-языковых средств» [15, с. 76]. В это время впервые на повестку дня ставится вопрос о сознательном отношении к проблеме «своего» и заимствуемого языкового материала в терминологии.

Сознательное отношение к иноязычной лексике диктовалось потребностями самой горнозаводской терминологии. Данная терминология отличалась высоким уровнем языковой избыточности из-за наличия в ней множества вариантов для обозначения одних и тех же специальных предметов или понятий. Рано или поздно должна была сработать ответная реакция языковой системы на избыточность средств выражения. Судя по нашим материалам, тенденция к устранению дублетных наименований, сокращению вариативных рядов терминов, в том числе тех, в основе которых лежала оппозиция «исконное наименование – заимствование», усилилась во второй половине XVIII в. Тщательный отбор иноязычных терминов для закрепления в системе горнозаводской терминологии был обусловлен и требованием мотивированности терминов. По словам В. П. Даниленко, мотивированный тип номинации является самым характерным для русской терминологии [8, с. 63–64].

Вместе с тем одним из главных требований, предъявляемых к термину, является требование однозначности: одно слово соответствует одному понятию. Заимствованные термины с этих позиций в более выигрышном положении. Так, например, исконное профессиональное наименование *дудка*, обозначающее место поиска полезных ископаемых и место их разработки, в горнозаводской терминологии было заменено на термины *шурф* и *шахта*, имеющие специфическое применение: шурф били для поиска месторождений руды (ср. нем. *schurfen* ‘вести разведочные работы’), а шахты строились для разработки этих месторождений.

Другое преимущество заимствованных терминов в отличие от исконных единиц – отсутствие связи со словами общенародного языка. По замечанию В. Н. Прохоровой, «термины иноязычного происхождения <...> исключают или делают минимальной возможность ассоциации терминов со словами нейтрального словарного состава» [13, с. 144]. Кроме того, подобные термины позволяют четко выразить сущность специальной информации. Упомянутое выше наименование *дудка*, представляющее собой результат семантического развития общеупотребительного слова, является хотя и зримым, но всё же малоинформативным словесным знаком, поскольку в основе этого наи-

менования лежит не существенный, а формальный, внешний признак. Как отмечает Н. П. Романова, иноязычный термин обозначает именно научное понятие, границы которого не размываются под влиянием общелитературного значения [14, с. 20].

Характерной особенностью процесса заимствования, протекавшего в пределах горнозаводской терминологии Урала в XVIII в., было то, что термины поступали не из общего языка-источника, а из соответствующей терминосистемы. О том, что такая система терминов существовала, свидетельствуют как языковые, так и неязыковые факты. К лингвистическим фактам мы относим, в частности, высокий уровень развития металлургического производства в Германии, который позволял этой стране готовить специалистов для целого ряда европейских стран. На лингвистических фактах, подтверждающих наличие терминосистемы в языке-источнике, остановимся подробно.

Большая часть немецких заимствований представляет собой наименования сложной структуры, состоящей, как правило, из двух элементов, один из которых соответствует видовому понятию, а другой – родовому. Так, например, в составе целого ряда немецких терминов вычленяется терминологический элемент *берг* (нем. *Berg* ‘гора’), выражающий видовое понятие. Ср.: *берггаур* (нем. *Bergbauer*) ‘горный рабочий, рудокоп’, *берггешворен* (нем. *Berggeschworene*) ‘горный присяжный’, *бергмейстер* (нем. *Bergmeister*) ‘горный начальник’, *бергпробирер* (нем. *Bergprobierer*) ‘рудоиспытатель’, *бергтрог* (нем. *Bergtrog*) ‘корыто, употреблявшееся на горных работах’.

Другой распространенный терминологический элемент – *мейстер* (нем. *Meister*) – служит для выражения родового понятия, хотя и не совпадает по своему терминологическому значению с буквальным переводом ‘мастер, специалист, знаток’ [11, с. 589]. В горнозаводской терминологии за этим компонентом в составе сложного термина закрепилось значение ‘начальник, надзиратель’, ср.: *вальдмейстер* (нем. *Waldmeister*) ‘лесной надзиратель’, *гутенмейстер* (нем. *Hüttenmeister*) ‘плавильный надзиратель’, *шихтмейстер* (нем. *Schichtmeister*) ‘рудничный надзиратель’.

Примером терминологического элемента, выражающего родовое понятие в сложных наименованиях, может служить *штейгер* (нем. *Steiger*). Примечательно, что употребляемый самостоятельно, без видового определителя, этот термин имеет широкое значение ‘горный мастер, наблюдающий за ходом рудничных работ’, а в составе сложного термина данное значение конкретизируется: *бухштейгер* (нем. *Bohrsteiger*) ‘горный мастер, управляющий буровыми работами’, *вауштейгер* (нем.

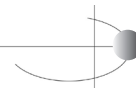
Waschsteiger) ‘горный мастер, управляющий промывкой руд’, *кунштейгер* (нем. *Kunststeiger*) ‘горный мастер, заведовавший водоотливными машинами’, *циммерштейгер* (нем. *Zimmersteiger*) ‘горный мастер, заведовавший деревянными креплениями в шахтах’.

Рассмотренные наименования относятся к тематической группе названий лиц по профессии (или по должности). Отметим, что составляющие их элементы могут входить в состав сложных терминов из других тематических групп. Так, начальный элемент термина *вауштейгер* (нем. *Waschsteiger*) отмечен нами в составе наименования *ваушерд* (нем. *Waschgerät*) ‘устройство для промывания руды’ (общая часть *Wasch* ‘мыть, стирать’); видовой терминологический элемент сложного термина *кунштейгер* (нем. *Kunststeiger*) зафиксирован нами также в структуре наименования водоотливной машины – *кунстмашина* (нем. *Kunst* ‘мастерство, умение’), причем, у последнего термина есть производный – *кунстмашинный мастер*; первая часть сложного термина *циммерштейгер* (нем. *Zimmersteiger*) использована и в наименовании *циммерлеит* (нем. *Zimmerleute*) ‘горный плотник, крепильщик’ (общий элемент *Zimmer* ‘крепление’).

Уже на основании этих наблюдений мы можем судить о достаточно высоком уровне связности внутри системы горных терминов в немецком языке, а также о способах передачи родовидовых отношений, объективно существовавших между специальными предметами и понятиями в данной отрасли производства.

Обратимся к анализу системных отношений внутри других тематических групп терминов. В группе заимствованных терминов – наименований заводского оборудования – выделяется общий терминологический элемент *офен* (нем. *Ofen*) ‘печь’, который обозначает родовое понятие, ср.: *кальцинирофен* (нем. *Kalzinirofen*) ‘обжигательная печь для обжига руды’, *шпайзофен* (нем. *Spleißofen*) ‘самодувная печь (действующая без мехов)’, *крумофен* (нем. *Krummofen*) ‘плавильная печь для плавки медной руды’ (по определению В. де Геннина, «косая плавильная печь», ср. нем. *Krumm* ‘кривой’).

Среди наименований промежуточных и конечных продуктов в медеплавильном производстве, восходящих к немецкому источнику, нами выделен общий компонент *штейн* (нем. *Stein* – букв. ‘камень’), ср.: *роштейн* (нем. *Rohstein*) ‘сырец, сплав сернистых соединений меди и железа, получаемый при первой плавке’ (ср.: нем. *roh* ‘сырой’ и *Stein* ‘камень’), *купферштейн* (нем. *Kupferstein*) ‘обогащенный содержанием металлов, благодаря вторичной плавке’ (ср. нем. *Kupfer* ‘медь’), *шпурштейн* (нем. *Spurstein*) ‘металл, по-

лученный в результате вторичной обработки' (ср. нем. *Spur* 'след, отпечаток'). Необходимо отметить, что данный терминологический элемент нередко употреблялся как самостоятельное наименование и в этом случае имел значение 'промежуточный продукт плавки меди, представляющий собой смесь сернистой меди и сернистого железа' [3, с. 900].

От терминологических элементов, выражающих родовые понятия, обратимся к рассмотрению терминологических элементов, связанных с видовыми понятиями. Немалую группу терминов образуют сложные слова, включающие в свой состав элемент *gar-* (нем. *gar*): *гармахер*, *гаргрец*, *гаркупфер*, *гаргерст*. В немецком языке лексема *gar* используется в трех значениях: 1) готовый, сваренный, поджаренный, испеченный; 2) дубленный, выделанный (о коже); 3) совсем, совершенно [11, с. 346]. Объединяет все эти значения общая сема 'завершенность действия'. Как показал анализ, именно это значение чаще всего актуализируется в семантической структуре исследуемых терминов. Так, за словом *гармахер* (нем. *Garmacher*) закрепилось значение 'очищатель, отделитель меди'. Отметим, что производство меди в исследуемый период включало в себя два этапа: первый этап – плавка медной руды и получение из нее рожштейна (или черной, не очищенной от примесей меди), второй этап – переплавка металла и получение чистой меди. В нашем случае имеется в виду именно второй, завершающий этап.

С моментом завершения процесса выплавки меди из медной руды связан также термин *гармахерский горн*, т. е. горн, в котором производилась очистка меди. Наряду с ним употреблялся термин *гаргерст* (ср. с уже упоминавшимся выше термином *вайшгерд*; общая часть *герст/герд* (нем. *Gerät*) 'прибор, устройство'). Однако второй термин не получил широкого распространения в русском языке и был вытеснен составным наименованием, включавшим в себя помимо иноязычного исконный терминологический элемент *горн*.

Наименование *гаркупфер* (нем. *Garkupfer*) служило для обозначения меди, очищенной от посторонних примесей в очистительном горне (ср. буквальный перевод с нем. 'готовая, сваренная медь'). Судьба этого термина, как и в предыдущем случае, была предопределена тем, что в русском языке уже существовал прозрачный по значению и включенный в систему составной термин *чистая медь*.

С процессом очистки меди связано наименование *гаргрец* (нем. *Gargrieß*) 'род густой грязи, всплывающей на поверхности меди в очистительном горне'. Наличие первого элемента позволяет включить его в соотносительный ряд с предыдущими терминами по видовому признаку. Однако узкоспециальный характер данного наименова-

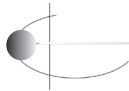
ния (а также трудности, связанные с его произношением в русском языке из-за стечения трех согласных), по-видимому, обусловили низкую степень его употребительности в исследуемых материалах. К тому же этот термин не получил в горнозаводской терминологии соответствующего русского эквивалента.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех рассмотренных иноязычных примерах при толковании используется слово «медь», хотя в самом названии оно лингвистически не выражено (за исключением термина *гаркупфер*).

Небольшую группу образуют термины иноязычного происхождения с общим элементом *гутен-*: *гутенфервальтер* (*обергутенфервальтер*), *гутенмейстер*, *гутеншрейбер*. В русской терминологии все эти наименования так или иначе соотносятся с процессом плавки металла (*гутен-* < нем. *Hütten* < *Hütte* 'металлургический завод'). Термин *гутенфервальтер* (нем. *Hüttenverwalter*) служил для обозначения лица, надзирающего за всем ходом заводских работ, за производством металла как главного продукта заводской деятельности (ср. нем. *Verwalter* 'управляющий, заведующий'); наименование *гутенмейстер* (нем. *Hüttenmeister*) использовалось как название лица, наблюдающего за процессом плавки (близкий русский термин *плавильный мастер*); термином *гутеншрейбер* (нем. *Hüttschreiber*) в горнозаводской терминологии обозначалось лицо, ведущее учёт всех материалов (чугунных, железных, медных), произведенных на заводе (ср. нем. *Schreiber* 'писарь, подъячий').

Остановимся на частных примерах связности внутри системы заимствованных немецких терминов. Соотносительную пару образуют термины *пошттейгер* (*похшттейгер*) и *похверк*. Оба наименования имеют отношение к процессу обработки руды: *пошттейгер* (нем. *Pochsteiger*) 'мастер, заведовавший промывкой и толчением руд', *похверк* (нем. *Pochwerk*) 'устройство для промывки и толчения руд'. Общий компонент в структуре этих терминов указывает на их видовую принадлежность (ср. нем. *roschen* 'толочь, измельчать руду'). Другая пара наименований относится к процессу получения меди: *шплейзофен* (нем. *Spleißofen*) 'самодувная печь для очистки меди' и *шплейзер* (нем. *Spleißer*) 'рабочий, обслуживающий названную печь'. Оба слова восходят в языке-источнике к глаголу *spleißen*, означающему 'очищать (медь)' в специальном употреблении (исходное значение 'колоть лучину').

Среди иноязычных заимствований в пределах горнозаводской терминологии выделяются также пары слов, состоящие из непроизводного термина и производного от него наименования, например: *груба* (нем. *Grube*) 'рудник' и *грубенонг* (нем.

Grubenjunge) 'малолетний рабочий на руднике'; *орт* (нем. *Ort*) 'горизонтальная выработка внутри рудника' и *фельдорт* (нем. *Feldort*) 'выработка, произведенная горизонтально от почвы шахты или гезенка' (ср. нем. *Feld* 'поле, пашня'); *гашпель* (нем. *Haspel*) 'ворот' и *гашпелькнехт* (нем. *Haspelknecht*) 'рабочий у ворота' (ср. нем. *Knecht* 'работник, слуга').

Чётко обозначены в немецких терминах иерархические отношения: при помощи приставок *обер-* (нем. *ober*) 'старший' и *унтер-/ундер-* (нем. *unter*) 'младший'. Так, вышестоящие должности обозначались *обербергмейстер*, *обербергпробирер*, *оберпробирер*, *оберцегентнер*, *обершмельцер*, *оберштенфервальтер*, *обергитенфервальтер*, *оберфорстмейстер*; нижестоящие получали наименования *унтерпробирер*, *унтервальдмейстер*, *унтерштейгер* (*ундерштейгер*), *ундершхтмейстер*.

Нетрудно заметить, что проанализированные термины имеют расчленённую структуру и чёткие словообразовательные связи с другими элементами системы. Несколько особняком стоят иноязыч-

ные наименования, не подкреплённые связями с другими терминами. Имеются в виду такие названия, как *шмельцер* (нем. *Schmelzer*) 'плавильщик', *фарлауфер* (нем. *Vorlaufer*) 'подносчик угля и руды', *гейзель* (нем. *Geisel*) 'ученик', *ауфтрайгер* (нем. *Aufträger*), 'засыпщик', *штенбрехер* (нем. *Steinbrecher*) 'толчейщик'. Именно эти термины, не имеющие связей внутри заимствующего языка, не обладающие ясной структурой, в первую очередь выходили из употребления, заменялись соответствующими русскими эквивалентами.

Анализ заимствованных немецких терминов в составе уральской горнозаводской терминологии показал, что в целом они обладают высоким уровнем структурированности, модели терминообразования носят регулярный характер. Таким образом, иноязычные заимствования XVIII в. привнесли в складывающуюся систему терминов не только новые понятия, но и более строгую их организацию, что соответствовало общей ориентации терминологии на отражение системных связей и отношений.

Список литературы

1. Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства в XVIII веке на Урале. М.: Л.: ОГИЗ, 1935. 320 с.
2. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 432 с.
3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 957 с.
4. Бредихина Т. В. Наименования лиц в русском языке XVIII века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Алма-Ата, 1990. 244 с.
5. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 248 с.
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XVIII вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
7. Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. М., 1937. 663 с.
8. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
9. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XVIII вв. М.: Наука, 1981. 359 с.
10. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
11. Немецко-русский (основной) словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев и др. М.: Русский язык, 1993. 1040 с.
12. Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2. 594 с.
13. Прохорова В. Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 153–159.
14. Романова Н. П. О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Воронежск. ун-т, 1976. С. 18–26.
15. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 327 с.

Рукопись поступила в редакцию 23. 03. 2011.